Скучно и мрачно в больнице тюремной

Другой вариант песни «Мамочка», записанный студенткой Н. Холиной в 1932 году в одной из московских тюрем.

Скучно и мрачно в больнице тюремной,
Сумрачный день сквозь решётку глядит.
Бедная Оля тихонько проснулась,
Видит — мамаша стоит:

«Бедная мама, прости, дорогая,
Дочку-воровку свою!
Я умираю гордо и смело,
Тайну скрывая свою.

Он сплинтовал1, а меня задержали
И в уголовку меня привели.
Долго допрашивал а́гент из МУРа:
«С кем ты вчера на мокрухе была?»

Я отвечала так гордо и смело:
«Это душевная тайна моя!»

Били легавые, били наганом,
Бил и начальник в то время меня.
Я отвечала так гордо и смело:
«Это душевная тайна моя!»

Милая мама, прости, дорогая,
Скоро умру теперь я.
Если увидишь ты вора на воле,
То передай, что, любя, умерла».

1 Сплитовать — также сплетовать: убежать.

Жиганец Ф. Блатная лирика. Сборник. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001.

Тихо и мрачно в тюремной больнице,
сумрачный день сквозь решётки гледит,

и перед дочерью бледной и хилой
мать её с плачем старушка стоит.
Дочька её там Тамара лежала
в тяжком бреду и глубоких слезах,
с грудью пробитой, бессвязно болтая, —
череп проломленный, глаз не видать.
Чуть пробудилась, от бреда очнулась,
пить попросила, увидела мать
и протянула худыя рученки,
чтобы обнять престарелую мать.
А матери слезы рекой покатились,
все орошило лицо её, грудь,
полно родная, не плачь ты так сильно,
Дочьку Тамару свою позабудь.
Ох мама ты, мама моя родная,
эта — последняя просьба моя:
если увидишь его на свободе,
то передай — за его умерла.
Мы погорели с ним на мокрухе,
он погорел, погорела и я,
он плитовал, а меня задержали
и в жандармскую меня привели.
Долго допрашивал начальник с наганом
с кем я в то время на деле была, —
а я отвечала — гордо и смело:
эта душевная тайна моя.

(Запись получена через заключенного Б-ва.; Иризолятор, март 1926 г.)

Сибирская живая старина. Вып. I (V). Иркутск, 1926.